

УДК 322

Политика российского государства по вопросам раскола и сектантства (на примере Воронежской губернии)

Маслов Иван Сергеевич

Аспирант,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
(Воронежский филиал),
394005, Российская Федерация, Воронеж, просп. Московский, 143;
e-mail: ivan_vrn_maslov@mail.ru

Аннотация

В статье сопоставляются точки зрения авторов, теоретически анализирующих деятельность старообрядцев и «старого русского сектантства» на территории Российской империи, в частности, Воронежской губернии в конце XIX – начале XX столетия. Приводится анализ численного расселения сектантов и старообрядцев на территории воронежского региона на основе имеющихся статистических данных и оценка их объективности. Автор отмечает, что в конце XIX – начале XX века государственные власти впервые озаботились численностью раскольников и сектантов, проживающих в регионах Центральной России. В статье также дается описание особенностей деятельности наиболее распространенных деструктивных религиозных организаций, анализ возможных причин образования сект на территории Воронежской губернии и двоякой государственной политики к проблеме сектантства в России. Автор делает вывод, что Воронежская губерния в силу своего географического положения и социально-экономического развития являлась интересным и перспективным регионом для развития деятельности деструктивных религиозных организаций на рубеже XIX и XX столетия и может претендовать на звание одного из исторических центров развития сектантства в Российской империи.

Для цитирования в научных исследованиях

Маслов И.С. Политика российского государства по вопросам раскола и сектантства (на примере Воронежской губернии) // Теории и проблемы политических исследований. 2019. Том 8. № 2А. С. 75-83.

Ключевые слова

Раскол, старообрядцы, тоталитарные секты, деструктивные религиозные организации, Воронежская губерния, перепись сектантов, религиозный экстремизм.

Введение

Религиозные организации деструктивного характера осуществляли свою деятельность по противопоставлению своего учения государству, обществу и личности с момента формирования первых религий и неразрывно сосуществовали с ними. Стоит отметить, что взаимосвязь сектантства и религии зависела от политических, экономических, социальных и других факторов.

Даже в период становления Русского государства правители уделяли пристальное внимание вопросу существования подобных религиозных течений и стремились оперативно урегулировать трансформирующиеся общественные отношения. Однако вектор принимаемых решений менялся в зависимости от проводимой властями политики в духовной сфере, в том числе, от влияния Русской православной церкви на эту политику и, следовательно, ее позиции в государственно-властных отношениях.

Теоретический анализ политики российского государства по отношению к деструктивным религиозным организациям

Анализ научных работ в исследуемой сфере позволяет сделать вывод, что политика государства по отношению к деструктивным религиозным организациям в разные исторические эпохи была изменчивой. Так, например, в период становления российской государственности в X веке княжеская власть нуждалась в твердой опоре на духовенство и поэтому предоставляла широкие полномочия церкви. С.А. Лукьянов в своей работе отмечает «Уставами князей Ярослава и Владимира церковные суды получили большую самостоятельность и юридическую компетенцию...», [Грибникова, 2009, 101] а какое-либо вмешательство строго преследовалось по закону.

Но наиболее остро проблемы духовных, религиозных противоречий проявились в 1652 году, когда на патриарший пост был избран Никон, реформы которого явились причиной раскола русского общества на самостоятельные религиозные течения и формирования новых, ранее не существовавших религиозных общностей на территории России.

Последствия раскола не могли оставить в стороне и воронежский регион. А.В. Апанасенок отмечает, что отправной точкой развития сектантства в Центральном Черноземье, в том числе, и в Воронежской губернии, являются 50-е годы XVII века, ознаменовавшиеся претворением в жизнь никоновских реформ [Апанасенок, 2009, 144]. Государственный строй Российской империи опирался на Русскую православную церковь, являвшуюся составной частью государственного механизма, что способствовало формированию государственной политики в отношении раскольников и сектантов и механизма поддержки Русской православной церкви, в том числе, правовой базы по защите интересов последней и преследованию раскольников. Такая политика государства вызвала массовое переселение староверов из Московской, Калужской, Рязанской, Тульской земель и образование на территории Центрального Черноземья десятков населенных пунктов с компактно проживающими представителями «старой веры».

Но наибольший интерес для нас представляет конец XIX – начало XX веков. В этот период государственные власти впервые озаботились численностью раскольников и сектантов, проживающих в регионах Центральной России, провели первые попытки получения максимально объективных статистических данных о фактической численности и территориальном распределении населения, исповедующего «старую веру».

А.В. Апанасенок поясняет, что государство в конце XIX столетия осуществляло подсчет населения, которое исповедует старую веру. В Воронежской губернии первые статистические данные удалось сформировать только в 1857 году. Работа по сбору статистических сведений продолжалась вплоть до начала XX столетия. Сбором таких сведений занималось Министерство внутренних дел. Интерес представляют здесь данные статистики, полученные в 1897 году. В общей сложности в Воронежской губернии на тот момент проживало 12640 старообрядцев. Статистические сведения о численности раскольников в Воронежской губернии представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Численность староверов в населенных пунктах Воронежской губернии в середине и в конце 19 века [там же, 142-143]

Воронежская губерния		
Города и их уезды	Численность староверов в 1857 г.	Численность староверов в 1897 г.
Воронеж	36	143
уезд	2132	3397
Бирюч	-	-
уезд	231	365
Бобров	-	-
уезд	662	1049
Богучар	-	-
уезд	309	756
Валуйки	-	-
уезд	4291	3945
Задонск	-	-
уезд	-	-
Землянк	-	-
уезд	-	-
Коротояк	-	-
уезд	1687	2856
Нижнедевицк	-	-
уезд	-	-
Новохоперск	-	-
уезд	-	129
Острогожск	-	-
уезд	-	-
Павловск	-	-
уезд	-	-
Всего в городе	36	143
Всего в уезде	9314	12497
Итого	9350	12640

В.В. Кузнецов в своей работе подчеркивает, что при проведении первой всеобщей переписи населения в 1897 году были получены данные о соотношении православной части населения со староверами и сектантами [Кузнецов, 2018]. В Воронежской губернии соотношение было таковым: православные – 2508662 чел. (99,11%), староверы и сектанты – 14805 чел. (0,58%). В Воронежской губернии староверы делились на два направления: поповцы и беспоповцы. Направление поповцев, в свою очередь, подразделялось на противоокружников, окружников, беглопоповцев. Данная категория старообрядцев признавала священство, что видно из

названия. Антиподом для них выступали беспоповцы, которые, судя по наименованию, не признавали священнослужителей и ряд религиозных обрядов. Делились они на бегунов, поморцев, федосеевцев. Было и дополнительное деление беспоповцев на тех, кто поддерживал брачные союзы, и тех, кто являлся противником заключения официального брака. Общеизвестное деление сектантов первоначально проводилось по принципу классификации на рационалистов и мистиков. К рационалистам относились молокане уклеинские и донские, штундобаптисты (штундисты), субботники (иудействующие), толстовцы. К группе мистиков относились: старохлысты (аттитуйи, богомолы, пампушники), новохлысты (новоизраильтяне, лубковцы), скопцы.

Таблица 2 – Количественные показатели сектантов и староверов в Воронежской губернии в 1900-1915 годах [там же, 285]

Год	Старообрядцы			Сектанты			Всего
	Поповцы	Беспоповцы		Молокане, штундисты и т.п.	Иудействующие	Скопцы, хлысты и т.п.	
		Приемлющие брак	Безбрачники				
1900	7281	4845	782	3764	1192	69	17963
1901	7062	4886	736	3729	893	358	17664
1902	6918	5015	772	3788	922	259	17674
1903	7014	5130	713	4297	944	613	18746
1904	7073	5826	490	2826	1000	522	17740
1905	7661	5601	443	3870	763	1320	19558
1906	7467	5320	495	4100	468	1322	19180
1907	7578	5571	509	4196	1280	1124	20258
1908	7675	5724	556	4239	701	1080	19969
1909	8687	6094	450	4422	960	429	21042
1910	8866	5869	491	4968	901	1056	22151
1911	7393	6147	470	5543	1147	739	21463
1912	7299	7123	506	6473	1269	413	23083
1913	8845	6183	601	6137	1279	327	23372
1914	9148	6044	635	6085	1292	279	23481
1915	9151	6209	538	6416	1383	289	23986

Анализируя статистические сведения, следует отметить, что и А.В. Апанасенок, и В.В. Кузнецов сходятся во мнении, что представленная в различных архивных источниках информация не может достоверно раскрыть объективную картину о полной численности старообрядцев и сектантов на территории Воронежской губернии как в середине, так и в конце XIX – начале XX столетия, а иногда источники даже противоречат друг другу. Это обстоятельство можно объяснить рядом причин.

Во-первых, постоянно меняющейся политикой государства в отношении раскольников и сектантов. Государство осуществляло гонения и преследования с последующим выселением в отдаленные регионы Российской империи («Крестьяне Воронежской губернии, проживавшие в пос. Семеновском Милютинской станицы Махов, Минаев, Божко, а также крестьянка Аксинья Кучмина и унтер-офицер Федор Дуванский (он же Цыркунов), были аналогично приговорены к ссылке в Закавказский край и взяты под стражу» – ссылка хлыстов) [Свиридов, 2017, 32-33].

Раскольников и сектантов вынуждали мигрировать между регионами государства, что вело к распространению деструктивных учений и искажению данных о численности адептов в статистике МВД и официальной православной церкви.

Однако такая государственная политика временами сменялась на либеральные увещания и агитацию с целью перехода в лоно православной церкви. Это сопровождалось изменением правового статуса и положения раскольников и сектантов в сторону смягчения преследования, что имело и обратный эффект в виде стабильного роста числа последователей деструктивных религиозных общин. В.В. Кузнецов отмечает следующее: «Тенденция разрастания раскола на территории Воронежской губернии в начале XX века (общая численность в рамках рассматриваемого периода увеличилась на 33,5%, при этом основной рост прослеживается начиная с 1905г., когда по сравнению с предыдущим годом их численность увеличилась на 10,3%) во многом была связана с политикой государства в социальной сфере. Речь идет об Указе от 17 апреля 1905г. «Об укреплении начал веротерпимости» [Кузнецов, 2018, 286].

Во-вторых, объективность зависела от добросовестного исполнения своих обязанностей должностными лицами полиции и священнослужителями на местах, которые зачастую искусственно занижали численные показатели, чтобы избежать дисциплинарного наказания за непринятие мер по предотвращению распространения сектантства.

В-третьих, это можно объяснить противоправной деятельностью сект, действовавших на территории Воронежской губернии, которая могла привлечь внимание полиции. Опасаясь быть уличенными в посягательстве на жизнь, моральные устои и здоровье православного населения, хлысты и скопцы действовали тайно, представители этих направлений не выдавали своей принадлежности к сектантству. Это факт, несомненно, влиял на достоверность полученной информации.

Территориальное распространение деструктивных религиозных организаций

Анализ имеющихся статистических данных свидетельствует о распространении деятельности деструктивных религиозных организаций в сельской местности, особенно среди молодежи. Например, новое направление хлыстов – лубковцы, которые были названы так в честь своего лидера Василия Лубкова, уроженца г. Боброва, сформировавшись в 1903-1904 гг. в Коротоякском уезде, пропагандировало свободные половые связи и многоженство, что имело большую популярность среди сельской молодежи. Секта распространила свое влияние на территории Богучарского, Новохоперского, Бобровского уездов. «Рассчитывая на самые низменные инстинкты и привязанность к плотским удовольствиям сельской молодежи, хлыстовские пропагандисты увлекают ее в свои сети особенно при помощи своих «богородиц» и «пророчиц», которые избираются из наиболее красивых и развратных девушек и замужних женщин» [там же, 273].

Деструктивные религиозные учения распространялись на территории Воронежской губернии не только посредством психологического убеждения малограмотного крестьянства, но и с помощью физического запугивания и насильственного насаждения своего учения. Таким примером в Воронежской губернии может служить деятельность секты скопцев, которые проводили оскотление своих адептов и местного православного населения как добровольно, так и с помощью насилия или угроз. Скопцы действовали на территории Валуйского уезда, села Поворино Новохоперского уезда Воронежской губернии [там же, 288]. За свою противоправную

деятельность скопцев ссылали на территории с неблагоприятными климатическими условиями в Якутскую область еще в 1845 году. В 1847 году их выслали в заполярную тундру Енисейской губернии, что способствовало распространению данного течения на территории других регионов Российской империи [Юрганова, 2016, 137].

Старообрядцы преимущественно являлись сельскими жителями, наибольшее число которых проживало на территории с. Новопокровское Воронежского уезда, с. Масальское, с. Красный Лог, с. Верейское, с. Новоселовка, с. Юрьевка, с. Новопавловка Валуйского уезда, с. Трясоруково, с. Нижнемарьино Коротоякского уезда, д. Богомолвка Богучарского уезда Воронежской губернии. В целом, доля городских раскольников и сектантов не превышала, по имеющимся данным, 5% от общего числа проживающих [Апанасенок, 2009, 146].

Стоит упомянуть о толстовцах, которые исповедовали социально-философские идеи Л.Н. Толстого и образовали в 1911 году на территории Ржевского имения Богучарского уезда Воронежской губернии колонию «Толстовцев», состоящую из 20 человек, 16 из которых были крестьяне [Агарин, 2013, 207].

И.С. Свиридов отмечает, что сектантство имело большое влияние на местное население и в Тамбовской губернии. Там деление на секты проходило по уже известному признаку: рационалисты (штундобаптим и молоканство) и мистики (хлысты и скопцы). «Так, крестьянин-портной Семен Матвеевич Уклеин из с. Уварово Борисоглебского уезда стал основателем молоканства-уклеинства, распространившегося к концу XIX века в Воронежской, Тамбовской и Саратовской губерниях, а крестьянин Аввакум Копылов и крестьянка Черносвитова из с. Перевязова насадили в Кирсановском уезде хлыстовскую секту» [Свиридов, 2017, 103].

А.С. Жарова проводит пример расселения меннонитов на территории Российской империи в XIX – XX столетиях. Они относились к одной из протестантских сект и получили название от своего основателя Симониса Меннона, уроженца Нидерландов. Гонимые с родной земли, они прожили около двух столетий на территории Пруссии, а затем в 1789 году по приглашению Екатерины II переехали в Россию, где им даровались привилегии освобождения от военной и гражданской службы. Их основное распространение наблюдалось в конце XIX – начале XX века. А.С. Жарова упоминает: «Так, в Ишимском уезде Тобольской губернии в 1908 г. выходцами из Воронежской губернии была образована большая колония Петерфельд» [Оленич, 2005, 114]. Однако найти более полной информации о деятельности меннонитов на территории Воронежской губернии найти не удалось.

Заключение

Социально-экономические и политические трансформации, которые происходили в начале XX века, оказали свое влияние на деятельность деструктивных религиозных организаций. Т.С. Оленич отмечает, что из всех дореволюционных тоталитарных сект только лишь баптистам удалось сохранить свою организационную структуру. Остальные дореволюционные деструктивные секты «старого русского сектантства» были не востребованы в советском обществе из-за слабых финансовых и организационных возможностей [там же, 24]. В настоящее время в Воронежской области, по оценкам экспертов, насчитывается от 15 до 20 опасных религиозных сект.

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод, что Воронежская губерния в силу своего географического положения и социально-экономического развития являлась интересным и перспективным регионом для развития деятельности деструктивных религиозных организаций

на рубеже XIX и XX столетия и может претендовать на звание одного из исторических центров развития сектантства в Российской империи.

Этот феномен в историческом контексте имеет большую региональную специфику. Как законченные и проявившиеся в достаточно оформленном виде, политический и религиозный экстремизм предстают только в конце XX века, но уже на ранних этапах становления можно четко выделить эти формы политического процесса, которые, однако, не укладывались в традиционные схемы общественного развития [Слинько, 2006].

Библиография

1. Агарин Е.В. Толстовское движение после первой Русской революции // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 2 (1). С. 202-210.
2. Апанасенок А.В. Старообрядческий мир Центрального Черноземья в XIX – начале XX веков: численность, расселение, социальный состав // Научные ведомости. Курский государственный технический университет. 2009. № 9 (64). С. 140-147.
3. Грибникова О.Б. Церковная и правовая борьба с деятельностью деструктивных религиозных объединений в Российском государстве в период до 1917 года // Известия Вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки Южный федеральный университет. 2009. №2. С. 101-103.
4. Жарова А.С. Меннониты на службе в лесных командах Курганского уезда Тобольской губернии (конец XIX – начало XX века) // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2009. № 38 (176). Вып. 37. С. 114-117.
5. Кузнецов В.В. Противоправная деятельность старообрядцев и сектантов Воронежской губернии в начале XX века // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии: сборник статей. Вып. 4. Часть 1. Воронеж, 2018. С. 284-290.
6. Кузнецов В.В. Состояние преступности в Воронежской губернии в 1900-1915 годы // Вестник Воронежского института МВД России. 2018. № 2. С. 171-180.
7. Оленич Т.С. Проблема классификации русского религиозного сектантства Российской империи // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2005. №2. С. 15-24.
8. Свиридов И.С. Распространение сектантства в великорусской деревне на рубеже 19-20 вв. // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. 2017. № 2 (166). С. 98-105.
9. Слинько А.А. Политический экстремизм и террористическая война в панораме истории. Воронеж: Научная книга, 2006. 116 с.
10. Юрганова И.И. Из истории ссылки по религиозным мотивам в Якутию (вторая половина XIX – начало XX в.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2016. Т. 16. С. 135-140.

The Russian state policy on the issues of division and sectarianism (on the example of the Voronezh province)

Ivan S. Maslov

Postgraduate,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Voronezh branch),
394005, 143, Moskovskii av., Voronezh, Russian Federation;
e-mail: ivan_vrn_maslov@mail.ru

Abstract

The article compares the points of view of the authors who theoretically analyze the activities of the Old Believers and the "old Russian sectarianism" in the territory of the Russian Empire, in

particular, the Voronezh province in the late nineteenth - early twentieth century. The analysis of the numerical settlement of sectarians and Old Believers on the territory of the Voronezh region based on the available statistical data and an assessment of their objectivity is given. The author notes that at the end of the nineteenth and early twentieth centuries, the state authorities for the first time attended to the number of schismatics and sectarians living in the regions of Central Russia. The article also describes the characteristics of the activities of the most common destructive religious organizations, an analysis of the possible reasons for the formation of sects on the territory of the Voronezh province and a dual state policy on the problem of sectarianism in Russia. The author concludes that, due to its geographical location and socio-economic development, the Voronezh Province was an interesting and promising region for the development of the activities of destructive religious organizations at the turn of the 19th and 20th centuries and can claim to be one of the historical centers of sectarianism in the Russian Empire.

For citation

Maslov I.S. (2019) Politika rossiiskogo gosudarstva po voprosam raskola i sektantstva (na primere Voronezhskoi gubernii) [The Russian state policy on the issues of division and sectarianism (on the example of the Voronezh province)]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniï* [Theories and Problems of Political Studies], 8 (2A), pp. 75-83.

Keywords

Schism, Old Believers, totalitarian sects, destructive religious organizations, Voronezh province, census of sectarians, religious extremism.

References

1. Agarin E.V. (2013) Tolstovskoe dvizhenie posle pervoi Russkoi revolyutsii [Tolstoy movement after the first Russian revolution]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University], 2 (1), pp. 202-210.
2. Apanasenok A.V. (2009) Staroobryadcheskii mir Tsentral'nogo Chernozem'ya v XIX – nachale XX vekov: chislennost', rasselenie, sotsial'nyi sostav [The Old Believers' World of the Central Chernozem Region in the 19th – the beginning of the 20th centuries: population, resettlement, social composition]. *Nauchnye vedomosti. Kurskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet* [Scientific Reports. Kursk State Technical University], 9 (64), pp. 140-147.
3. Gribnikova O.B. (2009) Tserkovnaya i pravovaya bor'ba s deyatel'nost'yu destruktivnykh religioznykh ob'edinenii v Rossiiskom gosudarstve v period do 1917 goda [Church and legal struggle against the activities of destructive religious associations in the Russian state in the period up to 1917]. *Izvestiya Vuzov. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki Yuzhnyi federal'nyi universitet* [News of universities. North Caucasus region. Social Sciences Southern Federal University], 2, pp. 101-103.
4. Kuznetsov V.V. (2018) Protivopravnaya deyatel'nost' staroobryadtsev i sektantov Voronezhskoi gubernii v nachale XX veka [Illegal activities of Old Believers and sectarians of the Voronezh province at the beginning of the twentieth century]. In: *Obshchestvennaya bezopasnost', zakonnost' i pravoporyadok v III tysyacheletii: sbornik statei. Vyp. 4. Chast' I* [Public safety, law and order in the III millennium: collection of articles]. Voronezh.
5. Kuznetsov V.V. (2018) Sostoyanie prestupnosti v Voronezhskoi gubernii v 1900-1915 gody [The state of crime in the Voronezh province in 1900-1915]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2, pp. 171-180.
6. Olenich T.S. (2005) Problema klassifikatsii russkogo religioznogo sektantstva Rossiiskoi imperii [The problem of the classification of Russian religious sectarianism of the Russian Empire]. *Izvestiya Vuzov. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki Yuzhnyi federal'nyi universitet* [News of universities. North Caucasus region. Social Sciences Southern Federal University], 2, pp. 15-24.
7. Slin'ko A.A. (2006) *Politicheskii ekstremizm i terroristicheskaya voina v panorame istorii* [Political extremism and the terrorist war in the panorama of history]. Voronezh: Nauchnaya kniga.

8. Sviridov I.S. (2017) Rasprostranenie sektantstva v velikorusskoi derevne na rubezhe 19-20 vv. [The spread of sectarianism in the Great Russian village at the turn of the 19th and 20th centuries]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Tambov University. Humanities series], 2 (166), pp. 98-105.
9. Yurganova I.I. (2016) Iz istorii ssylki po religioznym motivam v Yakutiyu (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [From the history of exile for religious reasons in Yakutia (the second half of the nineteenth – the beginning of the twentieth century)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Politologiya. Religovedenie»* [News of the Irkutsk State University. A series of Political Science. Religious studies], 16, pp. 135-140.
10. Zharova A.S. (2009) Mennonity na sluzhbe v lesnykh komandakh Kurganskogo uezda Tobol'skoi gubernii (konets XI – nachalo XX veka) [Mennonites in the service of the forest teams of the Kurgan district of the Tobolsk province (late XIX – early twentieth century)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of Chelyabinsk State University. History], 38 (176), 37, pp. 114-117.